

ТЕХНИКА И СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

© 2008 г.

О.А. Худякова, В.И. Казакова

Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева

smirnova@nntu.nnov.ru

Поступила в редакцию 17.04.2008

Анализируется феномен техники в контексте социальной стратификации современного российского общества. Проблема социального неравенства рассматривается в связи со спецификой русского менталитета и особенностями переходного периода. Проанализированы онтологические основания расслоения российского общества по принципу бинарных оппозиций и возможности применения к анализу данного процесса марксистской концепции классов. Технический артефакт с данной точки зрения есть отражение гипериндкации статусной неконсистентности, в более широком контексте – феномена границы перехода от одной бинарной оппозиции к другой.

Ключевые слова: стратификация, техника, переходное общество, марксизм, идентичность.

Проблема социальной иерархии во все времена имела ярко выраженные национальные черты. К. Маркс, говоривший о том, что равенство есть немецкая формула, переведенная на французский язык [1], апеллировал к чрезвычайно широкому объёму исследуемого материала, позволяющего определить менталитетную составляющую как важнейшую детерминанту стратификационных представлений. Являясь одним из наиболее древних тематических планов социального знания, неравенство и расслоение общества на каждом новом этапе своего осмысления замыкается на специфику этнических представлений об установлении порядка. Так, социальная иерархия в своих реальных проявлениях есть значимый индикатор формирования и развития определённой национальной идеи либо ее отсутствия. Немаловажную роль играет также тот факт, что неравенство и инициируемое им расслоение общества всегда исторически ситуативно, что находит отражение всё в тех же особенностях менталитета. Различные типологизации подходов стратификационного анализа в значительной мере тяготеют к разделению на немецкую, французскую, американскую и др. социологические традиции [2–4]. Применение соответствующих моделей к исследованию расслоения современного российского общества связано с рядом затруднений, в первую очередь концептуально-методологического плана.

Строго говоря, подобные проблемы, очевидно, неизбежны там, где речь идёт об анализе чрезвычайно сложных и многомерных социальных процессов, какие происходят в

современной России. Теоретическая социология сталкивается в первую очередь с плохо поддающимся систематизации многообразием разнонаправленных тенденций, «сочетанием несочетаемого», невозможностью однозначно характеризовать тип цивилизационного развития современных российских реалий [5, 6]. Часто применяемое понятие «транзитное общество» скорее порождает новый круг проблем, нежели ведёт к разрешению ранее поставленных [7, 8], давая лишь новую интерпретацию самобытности отечественного социального уклада. В данных условиях становится очевидной невозможность разработки единой стратегии исследований стратификации, поскольку при отсутствии упорядоченности цивилизационного уровня вряд ли возможно установление стабильной социальной иерархии.

Русскому менталитету, как отмечал Н.А. Бердяев, вообще чуждо само понятие порядка [9]. Можно согласиться с тем, что в стране, не имеющей укоренённых традиций демократического устройства, «забота об обеспечении порядка является всепоглощающим, но абсолютно бессмысленным занятием, как это происходит в современной России, ... где граждане генетически предрасположены к бессистемному поведению» [10]. Состояние «транзиции», в отличие от многих других постсоциалистических обществ, не является для российской действительности чем-то из ряда вон выходящим. Ощущение становления – текучего, переходного, нестабильного – применительно к социальной сфере является, по общему наблюдению отечественных

мыслителей, вполне естественным перманентным состоянием русской души на протяжении многих столетий. Общеизвестна ирония по поводу того, что русский человек во все времена отождествляет свою жизнь с неким переломным моментом. Это имеет своим следствием ряд аспектов современного стратификационного анализа, ориентированного на поиск решений скорее в сфере собственных социокультурных истоков, нежели западных традиций.

Нетрудно заметить, что основные тенденции современных отечественных исследований социальной дифференциации затрагивают в первую очередь аспекты, выходящие за рамки реалистической интерпретации общественной иерархии, как бы подчёркивая, что «класс не может быть объектом только социологического исследования» [11]. Это сказывается, прежде всего, в восприятии общественным сознанием самой идеи неравенства: в то время как большинство западных традиций воспринимают его как нечто естественное, в России это одна из конфликтных, болезненных тем. Соответственно происходит явное смещение тематического плана из области социальной онтологии в сферу этики: на первый план выходят нравственные и психофизиологические аспекты расслоения российского общества: стратификационные процессы описываются в терминологии «согласия – несогласия», «справедливости – несправедливости» [12–14]. Социологические исследования показывают, что на фоне радикальных социальных трансформаций привычки, социальные установки и ценности россиян меняются медленно. Так, из советского прошлого в современную жизнь перенесено отчуждение от власти и презрение к несправедливо нажитому богатству, что выливается в крайне неоднозначную оценку восходящей мобильности [13]. Общий итог данного круга исследований сводится к идее «банализации социальной несправедливости» – своеобразной привычке к проблемам, вызывающим значительную социальную фрустрацию у больших групп населения [12].

Данный аспект усиливается ярко выраженной антитетичностью, проявляющейся как на уровне социальной онтологии, так и в сфере самой постановки проблем. Главной тенденцией социального расслоения постсоветского общества за последние пятнадцать лет единодушно признается его резкая поляризация: российские социологи констатируют, что «в общественном сознании в

целом утвердился сейчас такая, основанная на ощущении собственного статуса, модель социального устройства, где основная часть населения противопоставлена его верхушке» [15]. Эта ситуация часто трактуется как объективно обусловленная различными возможностями адаптации к быстро меняющимся реалиям, которые по-разному проявляются в различных стратах и способствуют их поляризации. Вместе с тем здесь обозначается и иное «нечто», связанное с восприятием данного явления не как преходящего, а как органичного элемента социальной бессистемности. Подобные исследования, сочетая глубину постановки проблем с некоторой эмоциональностью и умозрительностью предлагаемых решений, становятся наиболее яркими центрами притяжения российской социологической мысли. В сфере современных исследований стратификации одной из наиболее часто цитируемых стала в последние годы работа Н.М. Римашевской, трактующая современную социальную поляризацию как возникновение «двух России», противостоящих друг другу и кардинально отличающихся по образу жизни, предпочтениям, жизненным ориентациям [13].

Аналогичная тональность «двух миров» характерна и для исследований локальной специфики расслоения общества [16]. Традиционная оппозиция «центр – периферия», затрагивая практически все аспекты социальной дифференциации – экономический, политический, профессиональный, – в современных условиях приводит к формированию в России двух социальных систем, двух принципиально различных форм социальной жизни. Интересно также отметить, что вопреки всеобщим глобализационным процессам прогнозируется усиление этой тенденции в нашей стране.

С данной точки зрения очевидна центральная проблема современной российской стратификации – формирование т.н. «среднего класса», которому отводится решающая, весьма преувеличенная, на наш взгляд, роль в грядущем экономическом процветании страны. Наличие в нынешней российской иерархии чётко выраженной средней страты является одним из наиболее дискуссионных моментов современных социологических исследований, равно как и критерии его демаркации [16–18]. Расцениваемая в качестве «несущей конструкции иммунной системы общества» [10], данная прослойка может в данный момент, по-видимому,

характеризоваться только как «протокласс» [16]. В стратификационной российской пирамиде чрезвычайно сложно обозначить его место как по экономическим, так и по профессиональным основаниям: исследования вынуждены констатировать, что демаркация здесь проходит по характеристикам, связанным с поведенческими и мировоззренческими особенностями, а не с материальным благосостоянием [18].

Исследование многих социальных явлений российской действительности исходит из тезиса о наличии «незримой, но вполне реальной границы, проходящей через духовно-культурный комплекс, складывающийся из образования, воспитания, мировоззрения» [19]. О российском обществе в его социокультурной ипостаси говорят как о сосуществовании двух несоразмерных частей, массы которых обратно пропорциональны вкладу в общенациональную культуру, существующую каждая по своим законам, «народ» и «не-народ». Такого рода «клеточное деление национального тела России» относят к концу XVIII века, соответствующему завершению первого витка отечественной модернизации [19, 20]. Вместе с тем это разделение, очевидно, красной нитью проходит через всю последующую историю, находя отражение в противостоянии «народа» и «номенклатуры» в советский период [21], «двух Россией» в наши дни [13]. Подобная тенденция рассматривать страты через призму антитетического анализа, разделяет их более резко по сравнению с рамками западной традиции. Речь не идёт об извечном расслоении по имущественному признаку: здесь звучит диссонанс, несоразмерный с платоновской грустью о том, что «в обществе существуют бедные и богатые, которые строят друг другу козни» [22], поскольку антитеза российских «народа» и «не-народа», «периферии» и «центра» выходит далеко за рамки экономических факторов стратификации. Имущественное расслоение выступает здесь скорее следствием, нежели исходной посылкой, и имеет, по-видимому, достаточно глубокие онтологические основания. Здесь можно говорить о глубинных различиях с западной традицией, где конфликтующие социальные группы традиционно относятся к одним и тем же культурным ориентациям, но борются за общественный контроль над различными видами капитала [23].

Строго говоря, демаркационная линия, проводимая между данными бинарными

оппозициями, чрезвычайно близка разграничению между этносами, обладающими специфическими особенностями культуры и психики, сознанием своего единства и отличия от других, антитезой «мы» – «они». «Способность Homo sapiens противопоставлять себя окружающему миру» [24] проявляется здесь едва ли не в большей мере, чем в случае национальной специфики. Можно отметить также сходный характер проблем, возникающих в ходе анализа этнической идентификации современной России [25]. Таким образом, стратификационный процесс выступает как феномен социокультурного раскола, свойственного российской действительности вообще и современному периоду в частности. Данная форма противостояния, как отмечает А.С. Ахиезер, обладает способностью препятствовать своему преодолению, поскольку «отвечает на активизацию ценностей в одной части общества... активизацией противоположных ценностей в другой группе... энергия ответа оказывается значительно большей, чем энергия попытки изменить ситуацию» [26]. Речь идёт о перманентном возникновении противоречия, к которому общество вынуждено приспосабливаться, поскольку оказывается не в состоянии его преодолеть. Подобная «консервация противоречий» в социальном взаимодействии между стратами чрезвычайно далека от западной традиции восприятия социального неравенства как естественного феномена социальной реальности.

В контексте рассмотренного можно во многом согласиться с точкой зрения М.Н. Руткевича, в современных условиях отдающего предпочтение марксистской концепции стратификационного анализа [21]. Являясь, как и альтернативный функционалистский подход, продуктом конкретных исторических условий, она оказывается чрезвычайно актуальной применительно к анализу нынешних российских реалий. Ирония судьбы заключается в том, что сфера приложения марксистских идей значительно расширилась именно после крушения советского этатизма. Прежде всего, большинством исследователей признаётся, что доминирующим социальным подпространством в современной России выступает экономическое [21, 27, 28]. Осевой тенденцией является резкая социальная поляризация, что сказывается в трудностях формирования среднего класса [10, 16–18]. К этому можно добавить, что в современной

России «мобильность, будь то восходящая или нисходящая, увеличивает пропасть между разными социальными группами, неизменно способствует обострению социальных отношений» [14]. Общая картина вертикальной социальной мобильности коррелирует с основными положениями марксизма: большая часть средней страты опускается на нижние позиции, в то время как лишь незначительная прорывается наверх. Таким образом, основную ось социального конфликта составляет противостояние социальных слоев, противоречия между которыми, выходя далеко за рамки материально-экономических факторов, позволяют говорить о принципиально разных сферах социального бытия.

В целом в сфере современных исследований стратификации российского общества наблюдается достаточно парадоксальная картина: на фоне постоянного расширения диапазона предлагаемых концепций методологический потенциал ограничивается антитетическим противопоставлением бинарных оппозиций. Влияние марксистской концепции ощутимо здесь не столько в стратегиях социологических исследований, ориентированных в основном на функциональные и эволюционные модели, сколько в анализе сферы повседневности, рефлексивных восприятий стилиобразующих жизненных реалий, т.н. субъективных факторов стратификации. На протяжении семидесяти лет марксистско-ленинская теория классов, выступая в качестве единственной концептуально-методологической основы осмысления социальной стратификации, была тесным образом вплетена в образ жизни, структуру повседневных реалий. Быстротечность изменений общественной среды, привычных устоев бытия диктует необходимость формирования новых подходов. Вместе с тем никакие радикальные социальные трансформации не способны так же кардинально быстро изменить систему ценностных ориентаций. Социологические исследования показывают, что процесс их трансформации в течение постсоветского периода зашёл достаточно далеко, но при этом прежние ориентиры не исчезли, а оказались отодвинутыми на второй план, как бы пребывающими в латентном состоянии, допускающими потенциальную возможность их реализации [20]. К этому следует добавить, что данная система не представляет собой сложившейся органической целостности, она

крайне нестабильна и противоречива. Обусловленная во многом неопределённостью цивилизационного статуса, эта хаотичность многократно усиливается переходным состоянием, когда «россияне сталкиваются с расходящимися социальными мирами, не связанными с базисными ценностями» [29].

В рассматриваемом контексте чрезвычайно актуальным становится тематический план «материи и общества» [30, 31]: соотнесение активных иерархических социальных структур с «непрозрачной зоной материальной цивилизации» [30], где одним из центров притяжения социологической мысли была и остаётся техника. На современном этапе своего развития она представляет собой сложнейший феномен, включающий в себя многообразие как материальных, так и духовных факторов и отражающий основные направления проблематизации социального бытия. Соотнесение техники с социальной стратификацией обретает, на наш взгляд, особую актуальность в России. По отношению к отечественным реалиям можно говорить и об особой специфике дифференциации общества, и о самобытных тенденциях в осмыслении техники. Обострение проблематики человеческого существования, свойственное современному миру в целом, обретает особую значимость в нашей стране, где во все времена оказывалась превзойдённой мера социальности, принадлежности личности обществу, и тем самым нарушена мера принадлежности себе, необходимая для полноты бытия. Свойственная советской технократии тенденция фетишизации технического артефакта, абсолютизирующая творческое преобразовательное начало человеческой деятельности, оказалась созвучна многим особенностям русского менталитета. Техника, смысл и сущность которой в конечном итоге всегда были сопряжены с данной проблематикой, развиваясь в таком социальном пространстве, заключала в себе колоссальный потенциал неограниченной свободы, не реализуемой на личностном, экзистенциально-антропологическом уровне. Мир техники всегда требует от человека, чтобы тот вышел за собственные пределы. В советскую эпоху этот «выход за пределы» был опосредован поиском новой свободы, всемирным историческим экспериментом по созданию общества социальной справедливости. Окончательный отказ от этой программы повлёк за собой ущерб развитию техники столь же радикальный и во многом непоправимый, сколь стремительным оказалось

крушение мифов советской идеологии. Эта бессистемность и хаотичность, генетически присущая российскому сообществу в целом, усиливается дисбалансом динамики общественных отношений и достижений техники: если в индустриальную эпоху опережающими темпами развивалась техника, то, начиная с девяностых годов, социальная динамика.

Самобытность социального бытия техники в России опосредована спецификой отечественной модернизации – процесса исторически необычайно длительного, всякий раз осуществляемого путём «революции сверху», не считающейся с социально-культурной спецификой страны [20]. В этом плане интересно отметить, что упомянутое ранее первое «деление клеточного тела России» [19] соответствует первому этапу модернизации нашей страны, связанному с реализацией Петровских реформ. Оба этих процесса могут быть рассмотрены как взаимосвязанные проявления социокультурного раскола: именно в фазах технологического переворота Россия переживает эпоху наиболее глубокого социально-политического кризиса, толкающего Российское государство к наиболее радикальным реформам и изменениям. Здесь опять нельзя не отметить чрезвычайно широкий диапазон применимости марксистской концепции стратификации. Современная ситуация, часто трактуемая как завершающий виток модернизации [20], в России во многом коррелирует анализируемому Марксом предельному состоянию социального отчуждения, проявляющемуся сегодня в противопоставлении страт. По отношению к нему можно с полным правом сказать, что в наши дни «в прямом соответствии с миром вещей растёт обесценение человеческого мира» [1].

Марксистская концепция классовой борьбы исходит из позиции технологического детерминизма, который вплоть до настоящего времени является одним из ключевых дискуссионных моментов социологии техники [32]. Являясь, как уже отмечалось ранее, исторически ситуативным, данный теоретико-методологический подход во многом не соответствует современным реалиям. Маркс рассматривал положение индивида в системе производственных отношений в качестве главного критерия при определении его социально-классовой позиции: при этом проводилась параллель между производством и социальностью на основе того простого

факта, что для того, чтобы выжить, люди должны производить. А чтобы производить, они должны кооперироваться. Известно, что с течением времени функции владения и контроля над средствами производства оказались изолированными друг от друга. Это инициировало не только новый взгляд на рассмотрение техники в контексте социальной стратификации, но и переосмысление проблемы социального и технического вообще. Дилемма технологического детерминизма иногда рассматривается как ложная проблема [23, 32]. Признавая весомость приводимых М. Кастельсом аргументов, нельзя не отметить, что применительно к современным российским реалиям вряд ли можно однозначно принять тезис о том, что «технология не определяет общество, но воплощает его» [32]. Прямое отождествление социального и технического оказывается неприменимым там, где как первое, так и второе оказываются глубоко укоренёнными в культурных традициях.

Применительно к современной российской действительности марксистская концепция предстаёт в достаточно интересном ракурсе, если принять во внимание, что она была разработана применительно к социальной стратификации индустриального периода, когда символом мира является часовой механизм, машина выступает как орудие классовой борьбы, а рабочий становится простым её приложением. В наши дни ситуация радикально изменилась: в процессе становления постиндустриального общества основным ресурсом власти становятся информационные реалии. Будучи абсолютным заменителем, они вытесняют техническое из нашей жизни, технологии всё более становятся подчинены информации. Не в последнюю очередь это сказывается на функционировании технического, постепенно устраняемого из сферы социального пространства. Если во второй половине девятнадцатого века речь шла о технике главным образом как об объективной составляющей социальной стратификации, то в настоящее время акцент явно смещён в сторону субъективных факторов расслоения общества. В этих условиях предметное бытие техники «является раскрытой книгой человеческих сущностных сил, чувственно представленной перед нами человеческой психологией» [1]. Интересно отметить, что данный аспект рассмотрения техники представлен в «Экономическо-философских рукописях»,

отражающих гуманистическую интерпретацию его учения. Здесь Маркс делает явный акцент на онтологической проблематике техники, концентрируя внимание на машине как на артефакте, отторгаемом от человеческой сущности, поскольку производство вещи есть всегда её утрата [1]. Это отторжение сопряжено с деформацией личностной и групповой идентичности, поскольку непосредственным следствием отчуждения от создания вещи является отчуждение от человека. Данный аспект марксистской концепции актуализируется глубоким кризисом идентичности, сопровождающим дифференциацию современного российского общества. В постсоветский период произошла массовая утрата идентификации индивидов с коллективной реальностью, которую они прежде поддерживали. Расставание с советским прошлым означало признание того, что многие социальные нормативы были коллективным заблуждением. В изменившихся социальных условиях объективное положение индивидов в обществе зачастую не соответствует их субъективным представлениям. Техника, постепенно утрачивая свою социальную роль, выступает здесь в качестве артефакта как средство имитации повышения стратификационной характеристики, т.е. воплощает стремление к квазистратификации. В данных условиях актуальной остаётся поставленная в «Экономическо-философских рукописях» проблема «обратного отвоевания человека», поиск путей преодоления кризиса идентичности.

Рассмотрение стратификации как социальной поляризации, антитетического противопоставления бинарных оппозиций, позволяет интерпретировать технику как феномен «границы» между двумя различными формами социального бытия. Таковой она выступает и в качестве объективной составляющей стратификации – как форма социального капитала, и в качестве субъективного фактора – на знаково-символическом уровне восприятия личностной и групповой идентичности. Переходное состояние современного российского общества делает эту границу зыбкой и подвижной, а всю стратификационную картину – неопределённой и трудно прогнозируемой. В качестве плодотворного подхода к её исследованию в свете вышеизложенного представляется анализ через призму социокультурных феноменов, одним из которых является техника. Данный путь, на наш взгляд, открывает новые

горизонты осмысления, способствует расширению тезауруса социологических исследований, разработке концептуально-методологических подходов, ориентированных на социокультурную специфику российских реалий.

Список литературы

1. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 годов / К.Маркс. Социология. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000. С. 280.
2. Батуренко, С.А. Исследования социальной стратификации современного российского общества: методологические подходы, критерии, профили и динамика социальной трансформации // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2007. № 3. С. 15–28.
3. Реальная Россия: социальная стратификация современного российского общества / Под ред. М. Тарусина. М.: «Журнал Эксперт», 2006. 680 с.
4. Тангалычева, Р.К. Социальная стратификация современного российского общества (теоретико-методологический аспект): Дис... д-ра соц. наук. СПб., 2000. 180 с.
5. Беленький, В.Х. Социальная структура российского общества: состояние и проблемы теоретической разработки // СОЦИС. 2006. № 11. С. 49–57.
6. Князев, Ю. Как определить современное общество: постиндустриальное, информационное, общество знаний, научно-информационное? // Общество и экономика. 2006. № 10. С. 131–154.
7. Маркович, Д.Ж. Противоречия транзисии постсоциалистических обществ // СОЦИС. 2006. № 9. С. 21–27.
8. Сладкова, О.Б. Количественные методы в исследовании социокультурного пространства // Личность. Культура. Общество. 2007. Т. IX. Вып. 3 (37). С. 112–123.
9. Бердяев, Н.А. Человек и машина (проблемы социологии и метафизики техники) // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 148.
10. Белолипецкий, В.Г. Системное и бессистемное в российском сообществе // Философия хозяйства. 2005. № 6. С. 23–30.
11. Хальбвакс, М. Замечания к социологической постановке проблемы классов / М. Хальбвакс. Социальные классы и морфология М.: Институт экспериментальной социологии, 2000. С. 26.
12. Кузнецова, И.Б. Идея социальной справедливости в контексте трансформации современного российского общества: Дис... канд. соц. наук. Казань, 2001. 165 с.
13. Римашевская, Н.М. Две России – социальная поляризация постсоветского общества // Справедливые и несправедливые социальные неравенства в современной России / Под ред. Р.В. Рывкина. М.: Реферendum, 2003. С. 43–55.

14. Трансформация социальной структуры и стратификация российского сообщества / Под ред. З.Т. Голенковой. М.: ИС РАН, 2000. 481 с.

15. Тихонова, Н.Е. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М.: РОССПЭН, 1999. С. 65.

16. Хамзина, Г.Р. Локальная специфика изменений российского общества: Дис... д-ра соц. наук. Казань, 2006. 431 с.

17. Балобанова, Е.Г. Средний класс как объект исследования российских социологов // Общественные науки и современность. 2008. № 1. С. 50–55.

18. Горюнова, С.В. Средние слои и «средний класс» в современном российском обществе // Общественные науки и современность. 2006. № 4. С. 58–67.

19. Чхартишвили, Г. Писатель и самоубийство. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 195.

20. Пантин, В.И. Волны и циклы социального развития. М.: Наука, 2004. 246 с.

21. Руткевич, М.Н. Общество как система: Социологические очерки. СПб.: Алетейя, 2001. 444 с.

22. Платон. Диалоги. М.: Мысль, 2000. 607 с.

23. Турен, А. Возвращение человека действующего: Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998. 204 с.

24. Гумилёв, Л.Н. Этногенез и биосфера земли. СПб.: Азбука-Классика, 2002. 608 с.

25. Дахин, А.В. Этнос и современные социально-политические технологии в контексте региональной стратификации общества // Этнический фактор федерализации России. 2000 / <http://federalmarkt.ksu.ru/conference>.

26. Ахиезер, А.С. Социокультурное прогнозирование России на макро- и микроуровнях // Политические исследования. 1994. № 6. С. 24.

27. Данилин, А.М. Трансформация организационной культуры промышленного предприятия в постсоветский период: Дис... канд. соц. наук. СПб., 2007. 183 с.

28. Панова, Е.В. Расслоение молодёжи в условиях формирования многомерного социального пространства России: Дис... канд. соц. наук. Волгоград, 2007. 210 с.

29. Волков, Ю.Г. Российская идентичность: особенности формирования и проявления // СОЦИС. 2006. № 7. С. 13–22.

30. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т. 1. 32. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.

TECHNOLOGY AND SOCIAL STRATIFICATION OF MODERN RUSSIA

О.А. Khudyakova, V.I. Kazakhova

The article presents an attempt of technology phenomenon analysis in the connection with social stratification of modern Russian society. The social inequality problem is described as the problem of national idea development depending on the transitive social period characteristic features. The ontological base of Russian society stratification on the binary opposition's principle and Marx conception possibilities are analyzed here. Technical artifact from this point of view is the status inconsistency over indication and binary opposition's limit phenomenon.

Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Весь мир, 2006. 592 с.

31. Хальбвакс, М. Материя и общество / М. Хальбвакс. Социальные классы и морфология. М.: Институт экспериментальной социологии, 2000. С. 47–88.